

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

в пересказе
ЕВГЕНИЯ ЛУКИНА

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

*Светлой памяти
академика Д. С. Лихачёва*

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕСКАЗЧИКА

«Слово о полку Игореве» – величайший литературный памятник Древней Руси. Он стоит в одном ряду с такими великими произведениями мировой литературы, как французская «Песнь о Роланде», испанская «Песнь о моём Сиде» или германская «Песнь о Нибелунгах».

Созданное по горячим следам – после драматичного похода в Половецкую степь русской дружины в 1185 году, – «Слово о полку Игореве» чудесным образом было найдено среди старинных фолиантов Спасо-Ярославского монастыря. Его открыл в 1795 году известный собиратель книжных редкостей граф Алексей Мусин-Пушкин, который сразу же оценил колоссальную значимость приобретённой рукописи XVI века и приложил все усилия к её изданию. Наряду с публикацией 1800 года он изготовил с подлинника специальную копию для императрицы Екатерины II, по поручению которой и разыскивал в церквях и монастырях российские древности. Эти меры оказались своевременными – бесценный подлинник сгорел

в пожаре 1812 года, когда войска французского императора Наполеона вступили в Москву.

Но никакие препятствия уже не могли остановить победного шествия гениальной древнерусской песни. Поэты и переводчики, филологи и историки стремились осуществить как полноценный перевод, так и художественное переложение памятника. Просветитель конца XVIII – начала XIX века Александр Палицын в 1807 году первым переложил «Слово» звучным александрийским стихом в духе модного тогда русского классицизма. Спустя шесть десятилетий выдающийся русский поэт Аполлон Майков создал полноценное поэтическое переложение «Слова». Для своей интерпретации памятника он выбрал нерифмованные стихи, написанные пятистопным хореем. Несмотря на однотипность стихотворной техники, переложение Майкова считается одним из лучших, ведь поэту в большой мере удалось сохранить эпическое звучание и специфику образной системы оригинала.

Революционные и военные лихолетья XX века внесли в эту переводческую работу свои новации. Эхо минувшей Гражданской войны слышалось в поэтическом переложении Марка Тарловского, который при создании своего текста использовал такие термины, как «конный марш», «рейд», «разведка» и т. д. Во время Великой Отечественной войны совершил духовный подвиг и выдающийся поэт Николай Заболоцкий. Его поэтическое переложение «Слова» изобиловало дериватами слова «враг», какие напроць отсутствовали в подлиннике, но здесь встречались на каждом шагу. А «Плач Ярославны» как будто намеренно был переложен на мотив легендарной советской пес-

ни «Катюша», которая часто, особенно к концу войны, доноси-
лась из репродукторов.

Зазвучало «Слово о полку Игореве» и на других языках. Уже в 1803 году в Лейпциге вышел первый перевод песни на немецкий язык, который осуществил Иоганн Готфрид Рихтер. Немцы были первыми, кто стал тщательно изучать литературу Древней Руси. Позднее скандинавы почувствовали родственную близость «Слова» к эддической поэтике, и датский поэт и лингвист Тор Ланге перевёл древнерусскую песнь в духе поэзии скальдов. Следом поспешили англичане, французы, испанцы. Сегодня «Слово о полку Игореве» звучит на многих языках земли, начиная от малоизвестного верхнелужицкого наречия и кончая самым многочисленным китайским.

Но где бы ни слышалась древнерусская песнь – в каких городах и странах, – стоит помнить, что её должно оберегать и лелеять, прежде всего, у себя на родине. В 1816 году историк и писатель Николай Карамзин пересказал «Слово о полку Игореве», включив его в состав своего многотомного труда – «Историю государства Российского». Однако этот пересказ был столь краток, что большинство красочных эпизодов осталось за его пределами. Оно и понятно: Карамзин ставил целью лишь познакомить читателя с основным сюжетом повествования, а не представить развёрнутую картину.

Работая над первым полноценным пересказом древнерусской песни, пересказчик стремился учесть те исторические источники, в которых содержались сведения о драматических событиях 1185 года. Прежде всего, речь идёт об Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, где подробно описывался

поход русской дружины в Половецкое поле. Не было забыто и знаменитое «Слово о законе и благодати» первого русского митрополита Илариона, который дал точную оценку великим деяниям киевского князя Владимира Красное Солнышко, упоминаемого в древнерусской песне. Не была оставлена без внимания и древнерусская песнь XIV века «Задонщина», поскольку её отдельные поэтические обороты перекликались с изящными формулами «Слова о полку Игореве». И конечно, украсили текст пересказа некоторые подробности, почерпнутые из фундаментального труда «История Российская» деэписателя XVIII века Василия Татищева, который имел доступ к ныне неизвестным документам.

Есть в нашем пересказе и новации. В состав предлагаемого текста нами включён замечательный памятник XIII века «Слово о погибели Русской земли», который был найден в библиотеке Псково-Печерского монастыря и опубликован в 1892 году. При его изучении выяснилось, что он проистекает из одного чистого источника – «Слово о полку Игореве». Мало того, великий русский историк Сергей Соловьёв высказал мысль, что «Слово о погибели» есть утерянная страница древнерусской песни. Впоследствии эту мысль всячески отстаивал советский академик Борис Рыбаков. Действительно, ритмический строй текстов, их поэтическая структура и образность свидетельствовали о неразрывной, родственной близости обоих памятников. Именно поэтому пересказчик счёл возможным включить «Слово о погибели» в состав древнерусской песни – туда, где начинается плач по «первым временам и первым князьям». Этот плач, однако, не успев начаться, неожиданно и заканчивается. Ясно,

что здесь должен быть отрывок, повествующий о могуществе Руси. Таковым, по мнению ученых, и являлось «Слово о погибели Русской земли». Композиционно оно предшествовало плачу Ярославны – одно органично и неразрывно было связано с другим, частное вытекало из общего.

Сегодня, по словам академика Д. С. Лихачёва, «“Слово” – это многолетний дуб, дуб могучий и раскидистый. Его ветви соединяются с кронами других роскошных деревьев великого сада русской поэзии XIX и XX веков, а его корни глубоко уходят в русскую почву». Дмитрий Сергеевич Лихачёв, посвятивший жизнь изучению и популяризации величайшего древнерусского памятника, в своём последнем труде призвал всех нас – и заслуженных учёных, и рядовых читателей – относиться к «Слову» как к живому растению, любить и заботиться о нём.

*Евгений Лукин
Санкт-Петербург*

С
ЛОВО

О
ПОЛКУ ИГОРЕВЕ,
ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
ВНУКА ОЛЕГОВА

ЗАПЕВ О БОЯНЕ

Не пора ли нам, братья, начать старинной речью ратную повесть о нелёгком походе новгород-северского князя Игоря, сына черниговского князя Святослава Ольговича. Но прежде мы напомним, что Игорь приходится внуком князю Олегу Святославичу, которого прозвали Гориславичем за то великое горе, какое он причинил всему русскому роду своими крамольными бранями. И предостережём: как бы и князь Игорь не пошёл по стопам своего горемычного деда и не разделил с ним его безрадостную славу. Потому и эту трудную песнь мы сложим по правдивым былинам нашего времени, а не по искусному замыслению Бояна – любимого песнотворца Олега Гориславича.

Потому что вещей Боян если кому и желал сложить песнь, то растекался мыслию по древу, мчался серым волком по земле, парил сизым орлом под облаками. Он ведь никогда не забывал кровавые ушибы минувших веков. И когда, словно бурные волны, набегали на него живые воспоминания, тогда выпускал Боян соколиный десяток на стаю белых

лебедей. Быстрокрылый сокол настигал первую лебедь, и та пела хвалебную песнь великому князю киевскому Ярославу Владимировичу Мудрому, его брату Мстиславу Владимировичу Удалому, который в смертельном поединке зарезал засапожным ножом касожского предводителя Редедю на глазах его ошеломлённых воинов. А ещё пела лебедь печальную песнь брату Олега Гориславича – тмутараканскому князю Роману Святославичу, что был наречён Красным благодаря своей красоте и статности, но погиб во цвете лет от рук окаянных половцев, когда возвратился с ними из совместного неудачного набега на Русскую землю.

На самом деле древний песнотворец Боян не соколиный десяток выпускал на стаю белых лебедей, а возлагал свои вещие персты на живые струны волшебных гуслей, и те уже сами рокотали звонкую славу русским князьям.

Начнем же, братья, эту ратную повесть от старого киевского князя Владимира Святославича, по праву именуемого Красным Солнышком, потому что он, войдя в святую купель крещения, не только сам постигнул лучезарный свет Христовой истины, но и всем подначальным народам повелел креститься. Отчего мрак идольский от нас отошёл, и зори благоверия зажглись над Русской землёй.

А закончим мы наше повествование похвальными словами в честь нынешнего новгород-северского князя Игоря Святославича, который разум свой покорил невиданной доблестью, сердце своё поострил небывалым мужеством и, преисполнившись ратного духа, направил свои храбрые полки в Половецкое поле.

КНЯЗЬ ИГОРЬ ВЫСТУПАЕТ В ПОХОД

ёл грозный 1185 год от Рождества Христова. В двадцать третий день месяца апреля князь Игорь, оставив отчий престол в Новгород-Северском, выступил в поход против половцев. С собой он призвал трёх своих родичей – брата Всеволода из Курска, сына Владимира из Путивля, племянника Святослава из Рыльска. В подмогу ему отправился также бывалый воевода Ольстин Олексич с черниговскими ковуями. Князья двигались медленно, на раскормленных конях, мало-помалу собирая войско.

– Прошлым летом, – бахвалились они по дороге, – храбрые русские князья ходили на половцев и побили их!

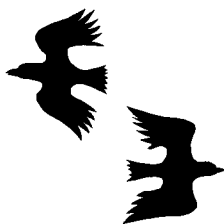
– Семь тысяч взяли в полон, – превозносили они чужие успехи, – одних половецких ханов захватили четыреста семнадцать!

Воистину: в минувшее лето Бог подвинул великого князя киевского Святослава Всеволодовича пойти войной на Половецкую землю. Пустился он вдоль Днепра, достиг

брода, переправился на вражеский берег и пять дней серым волком рыскал по степи, но так никого и не встретил. Наконец послал небольшой отряд во главе с переяславским князем Владимиром Глебовичем поискать неуловимого врага. Поскитавшись попусту, отряд стал станом на берегу речки Орели, неподалёку от широкого Днепра. Половецкий хан Кобяк выведал, что невелик русский отряд, и всей мощью обрушился на него, стремясь окружить и одолеть силой. Далёкий звон сражающихся мечей побудил Святослава Всеволодовича поспешить на помощь. Русские воины прорвали половецкий строй и начали безжалостно сечь да захватывать степняков. Так оказались в плену поганый хан Кобяк и его сыновья, а с ними и прочие знатные половцы.

Одержав победу, великий князь киевский возвратился домой со славой и честью. О такой же большой удаче мечтал князь Игорь и его боевые соратники.

– А что, мы разве не русские князья? – хорохорились они. – Такую же славу и такой же богатый полон себе добудем!

ГРОЗНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

В первый день месяца мая под вечер, подходя к реке Северский Донец, князь Игорь взглянул на заходящее солнце: внезапно оно так потемнело, что проступили на небе мерцающие звёзды, а само светило превратилось как бы в месяц с горящими углями на рогах. И увидел князь Игорь, что покрыл этот двурогий месяц его отважную дружину сияющей тьмой, как будто пеленой. Понурили головы дружинники и промолвили Игорю:

– Не сулит нам добра это знамение!

Встав перед притихшими воинами, князь Игорь сказал:

– Братья и дружина! Божественной тайны не ведают никто, а знамение творит Господь Бог, как и весь мир. Что нам дарует Бог на благо или на беду – это мы вскоре увидим. Одно я знаю твёрдо: лучше быть убитым в жестоком бою, чем быть пленённым!

Ярая страсть опалила княжеский разум, и жажда славы, жажда отведать донской воды заслонила ему небесное знамение.

– Хочу, – решительно произнёс Игорь, – хочу копьё своё преломить о Половецкое поле, хочу с вами, русичи, либо буйную голову сложить в последнем сражении, либо победить на поле брани и шлемом испить воды из синего Дона.

ВСТРЕЧА БРАТЬЕВ НА РЕКЕ ОСКОЛ

Боян, соловей минувшего века! Если бы ты мог воспеть этот нелёгкий поход, возносясь по мысленному дереву, взлетая умом под облака, свивая славу нашему времени, рыская через поля на горы по тропе Трояна – небесного прорицателя судеб русского рода! Тогда твоя песнь про славного князя Игоря начиналась бы так: «Не буря соколов занесла через широкие поля – стаи галок понеслись к великому Дону!» Или так бы запел ты, вещий Боян, внук пастушеского бога Велеса: «Кони ржут за рекой Сулою – звенит слава в стольном граде Киеве!»

Только мы будем повествовать по-другому – так, как это было на самом деле. Боевые трубы вострубили над башнями Новгород-Северского, красные стяги запылали на площади в Путивле. Князь Игорь, встав на реке Оскол, дожидался своего милого брата – курского князя Всеволода, силой и мужеством схожего с диким ярим туром. И сказал ему ярый тур Всеволод:

– Игорь – на свете один ты у меня брат остался, один свет светлый! А наш старший брат Олег опочил раньше срока, оставив на попечение в Рыльске юного сына Святослава. Один был у нас с тобой отец – доблестный князь Святослав Ольгович, оба мы с тобой Святославичи, сполна познавшие радость ополчений и побед! Скорей же седлай, брат, своих борзых коней, а мои рысаки уже стоят под сёдлами недалече от Курска, готовые к суровому походу. Ты ведь знаешь, что мои куряне – бывалые воины: они под боевыми трубами рождены, под железными шлемами взлелеяны, с острого копья вскормлены. Все степные дороги им ведомы, все крутые яруги знакомы, дубовые луки у них натянуты, кожаные колчаны со стрелами открыты, калёные сабли наточены. Сами скачут как серые волки в поле, ищут себе чести, а князю – славы.

КЛИЧ ПОЛОВЕЦКОГО ДИВА

И тогда вступил князь Игорь в золотое стремя, трижды перекрестился и, стегнув плетью борзого коня, поехал по чистому полю. Солнце ему преграждало путь сияющей пеленой, наступившая ночь грозными стенаниями пробудила птиц, и поднялся над полем страшный звериный свист. Где-то на вершине дерева встрепенулся сторожевой половецкий Див, закликал в ожившей темноте, повелел прислушаться всей неведомой земле: и широкой Волге, и азовскому Поморию, и степному Посулию, что раскинулось вдоль реки Сулы, и таврическим городам Сурожу да Корсуню, и тебе, Тмутараканский каменный идол, которому ещё не устали класть поклоны окрестные племена! Услыхав клич сторожевого Дива, поганые половцы непроторенными дорогами устремились к великому Дону: заскрипели их телеги в полночи, словно встревоженные лебеди.

Не ведая грозы, князь Игорь всю ночь напролёт ведёт своё войско туда же – к донским излучинам, навстречу

незримому врагу. Уже гибель его стерегут по дубравам хищные птицы, волки беду по крутым яругам навывают, орлы злобным клёкотом зверей на кости созывают, лисицы непрестанно лают на червлёные щиты.

О, Русская земля! Ты уже за холмом.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА